

6. "Гарабагнаме". Книга третья. / Баку : Шарг-Гарб, 2006.– 248 с. (на азерб. языке)
7. Гулиев А. Н., Гасанов И. М., Стригунов И. В. Развитие исторической науки в Азербайджане в XIX - начале XX вв. / Баку : Азернешр, 1960.– 222 с. (на азерб. языке)

Неживых Н.А.

УДК 94(47)“192

СИБИРСКОЕ ОБНОВЛЕНЧЕСТВО – ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются государственно-церковные отношения в первой половине 1920-ых гг., когда благодаря широкой поддержке властей большое развитие получает реформационное течение православия – «обновленчество». Содействие власти заключалось как в арестах священников «старой церкви», так и в прямой помощи по организации структуры «Живой церкви». На основе широкого фактического материала из архивов и прессы автор раскрывает региональную специфику обновленчества и деятельности органов власти в Западной Сибири.*

***Ключевые слова:** нэп, православная церковь, обновленцы, органы власти, антирелигиозная политика.*

***Анотация.** У статті розглядаються державно-церковні відносини в першій половині 1920-их рр., коли завдяки широкій підтримці влади великий розвиток отримує реформаційний протязом православ'я – «обновленство». Сприяння влади полягало як у арешти священників «старої церкви», так і в прямій допомозі з організації структури «Живої церкви». На основі широкого фактичного матеріалу з архівів і преси автор розкриває регіональну специфіку обновленства та діяльності органів влади в Західній Сибіру.*

***Ключові слова:** нєп, православна церква, обновленці, органи влади, антирелігійна політика.*

***Summary.** The article discusses the state-Church relations in the first half of the 1920s., when thanks to the wide support of the authorities gets great development during the reformation Orthodoxy – "Renovationism". Promoting power was in the arrests of the priests of the old Church, and in direct support of the organization of the structure of the "Living Church". On the basis of a wide factual material from the archives and the press the author reveals the regional specificity of Renovationism and the activities of the authorities in Western Siberia.*

***Keywords:** NEP, the Orthodox Church, the Renovationists, authorities, antireligious policy.*

Реформационное движение русского православия в Сибири появилось еще до Октябрьской революции, но свое развитие смогло получить только при поддержке властей после того как был взят курс на раскол Церкви для ее ослабления. Наибольшую активность смогли развить томские обновленцы, которым местными властями была оказана наибольшая, по сравнению с другими сибирскими губерниями, поддержка, и где события развивались одновременно с Москвой и по тому же сценарию. Одновременно с арестом патриарха Тихона, организацией "Живой церкви" и формированием обновленческого Высшего Церковного Управления в Москве на страницах местной печати началась кампания критики главы Томской епархии наряду с призывами к судебным органам обратить внимание на местных "князей церкви". [1] Через три недели последовал арест архиерея Виктора, а спустя некоторое время после устранения местного церковного руководства состоялось организационное собрание реформаторской группы "Сибирское движение", на котором со специальным докладом "О позиции власти по отношению к церкви" выступил председатель Томского губревтрибунала. На этом собрании молодой (25 лет) и честолюбивый священник Петр Блинов объявляет об отколе от патриарха Тихона, заявляет о непризнании местного епископа, назначает себя главой местных христиан и основывает Томское церковное управление. Через месяц в июле в местной газете была помещена программа обновленцев, в которой советская власть признавалась властью Божьей волей и провозглашалась полная аполитичность.[2]

В отличие от патриарха Тихона, по убеждениям которого аполитичность выражалась равнодушием к идеологии, обновленцы понимали аполитичность односторонне. В свои призывы к духовенству не занимаясь политической деятельностью они вкладывали один смысл – не вести контрреволюционную борьбу, к которой причислялось не только любое несогласие или противодействие установлениям советской власти, но и вообще любая деятельность вне рамок "обслуживания духовных нужд". При этом определение – что относится к духовной сфере, а так же и то, как её обслуживать, оставалось на усмотрение властей. Все это перепечатывает главная газета партии в Сибири с передовицей Ярославского, превозносящего инициативу "хорошо известного сибирякам" Блинова. В конце лета для укрепления позиций обновленчества с помощью местных органов власти, грозивших аннулировать договора, были проведены перевыборы приходских советов, являвшихся, по словам партийного органа "орудием пропаганды контрреволюционных элементов".[3]

На состоявшемся в сентябре сибирском съезде "Живой церкви" (тихоновцам запрещались любые собрания не для богослужения) было организовано Сибирское Церковное Управление и утвержден его устав, согласно которому членами обновленчества могли быть лица исключительно белого духовенства "признающие справедливость российской революции и мирового объединения трудящихся для защиты прав эксплуатируемого человека". Политическая ориентация была обозначена конкретно и лаконично. Религиозное благочестие определялось политическим мировоззрением духовенства и верующих. Противники нового движения – последователи патриарха Тихона – объявлялись контрреволюционерами, отстранялись от должностей и подлежали высылке из епархий.[4, с. 128] В редакционных статьях сибирских газет прямо указывалось, что "Советская власть не только не мешает, но отчасти даже содействует реформе православной церкви ..., поскольку обновленная церковь ведет

непримиримую борьбу и разрушает церковь, на которую опирался царизм".[5] В то же время противниками для обновленцев были не только тихоновцы, но и церковные реформаторы других направлений.

Новониколаевский архиерей Софроний согласился вступить в СибЦУ, но городское духовенство продолжало почитать патриарха.[6] В сентябре Софроний организует в Новониколаевске ещё одно объединение сибирских обновленцев, взявшее за основу более умеренную программу других обновленцев – Союза Церковного Возрождения. Между новониколаевским Временным Управлением Сибирской Митрополии, председателем которого стал Софроний, и Сибирским Церковным Управлением в Томске, которое возглавлял Блинов, началась борьба за верховную административную власть на территории всего сибирского региона. И тот, и другой объявили о создании митрополии под своим руководством. Конфликт все более обострялся, но был потушен при помощи властей, выбравших более “революционного” Блинова. В ряде статей местной партийной печати было выражено мнение, что группа обновленцев под руководством Антонина является не только правой организацией, но и прибежищем тихоновцев, в то время как живоцерковники помогли провести разложение духовенства. Вскоре после этих публикаций Софроний, называвшийся до этого “одним из видных представителей революционного духовенства”[7] и в одночасье переименованный в “главу реакционного духовенства”,[8] был арестован за контрреволюционную деятельность – он организовал сбор пожертвований “в пользу заключенных в ГПУ, доме принудительных работ и концлагере”.[9] Под угрозой ареста “за неподчинение советской власти” другие быстро “убедились в ложности группы “Возрождение”, и безоговорочно приняли все тезисы томских живоцерковников.[10] П.Блинов, из простого священника рукоположенный в епископа, через месяц – в митрополита Томского, а ещё через неделю ставший “митрополитом всея Сибири”, возглавил новообразованное Сибирское Областное Церковное Управление. С этого времени сибирское обновленчество всегда существовало под вывеской “Живой церкви”, а добившееся автономности от ВЦУ СибОЦУ являлось бессменной высшей церковной властью обновленцев на всей территории Сибири. Если в европейской части России пик развития обновленчества приходился на лето, а осенью уже начался отход, то в Сибири, где обновленчество стало развиваться именно осенью, была возможность учесть сделанные ошибки.

Примером этому является Омск. Несмотря на то, что движение “Живой Церкви” было инспирировано местными властями одновременно с другими городами, обновленчество здесь сформировалось только в ноябре благодаря настойчивости СибОЦУ. Омский архиерей Дмитрий Беликов к организации обновленческого епархиального управления отнесся безразлично. На собрании городского духовенства, где были изложены тезисы “Живой церкви”, политические вопросы разногласий не вызвали. В принятой резолюции говорилось: “Омское духовенство признало советскую власть как власть волею Божьей, которой и следует подчиняться во всех действиях, кроме религиозных”. О принципах устройства церковной жизни было решено судить после совместного собрания духовенства и мирян.[12] На состоявшемся через месяц общем собрании посланцу СибЦУ, приехавшему организовывать обновленчество в Омске, было выражено мнение: “Поезжайте, а мы сами разберемся”. Такая позиция была обусловлена несколькими причинами. Духовенство, боясь репрессий, было против организации епархиального управления: местные органы советской власти, ссылаясь на положение Декрета 1918 года, которым признавались лишь группы верующих, запрещали деятельность тихоновских епархиальных управлений; обновленческие же, в соответствии с летними декретами 1922 года, разрешались. Прихожане не соглашались с обрядовыми изменениями, которые им, в отличие от эмиссара-обновленца, “мелочами” не казались. И те, и другие высказывали возражение против некоторых положений устава, в частности – о поддержке социальной революции, так как это противоречило принципу церковной аполитичности. Примечательна ответная реплика посланца СибЦУ, новониколаевского епископа Софрония: “Дело не в уставе, а в личностях”.[13]

Пример новониколаевского духовенства, выбравших направление Союза Возрождения и легализованных, показался омичам обнадеживающим и через неделю Омское епархиальное управление, сдержанно объявившее о том, что оно “приняв дела от ушедшего на покой архиепископа Димитрия ... не желая ввязываться в политическую борьбу, открыто говорит о честном повиновении властям”, было создано.[14] Полное неведение омского духовенства о церковных делах заставило в начале 1923 года организовать командировку одного из священников в Москву за информацией. По возвращении тот ничего определенного сказать не смог – легальная церковь была разбита на враждовавшие группировки, но Омское Епархиальное Управление, как и новосибирское, решило придерживаться “Союза церковного возрождения” Антонина. Узнав об этом, СибОЦУ прислало своего эмиссара и омское православие было приписано к “Живой церкви”. [15, с. 168]

Неудачу на первых порах потерпела попытка организовать обновленчество в Барнауле. Ещё в июле священник Ландышев взялся за создание городской группы “Живой церкви”, но среди прихожан пошли слухи о том, что он является тайным агентом губчека, имеющим задание уничтожить православную церковь. Его деятельность была прервана арестом по доносу, обвиняющим в контрреволюционной деятельности, но вскоре он был отпущен. В начале января с регистрацией Окружного Духовного Управления было организовано и алтайское обновленчество, возглавляемое священником Долининым.[16] Мешавшее обновленцам Епархиальное церковное управление во главе с епископом Гавриилом через месяц было закрыто, а сам он арестован за “контрреволюционную деятельность”. [17] Судя по всему, он также придерживался позиции возрожденцев.

Несмотря на содействие, обновленчество к этому времени не имело широкой поддержки на местах. Прошедшие епархиальные съезды духовенства и мирян показали, что обновленчество держится исключительно на священнослужителях, прихожане же большей частью либо не знали о произошедшем расколе, либо были плохо знакомы с идеями реформирования и смотрели на нововведения “как на дело их

совершенно не касающееся" и "с безразличным равнодушием".[18] СибОЦУ начинает проводить энергичную работу по укреплению своей базы на местах.

Повсеместно в сельскую глубинку рассылаются эмиссары, которые, как сообщалось в отчете ОГПУ, "в своих речах резко критиковали ложную политику Тихона и о недопустимости его в управлении церковью, в то же время призывали собравшихся примкнуть к группе "Живая Церковь", на что вынесено единогласное постановление".[19] Большая помощь в этом оказывалась местными властями, которыми "организаторам Живой Церкви" выдавались удостоверения, обязывающие "во всякое время волисполкомам и всем организациям в указанной работе оказывать содействие", а также предписания уисполкомам "под строгую ответственность принимать и бесплатно отправлять без всякой задержки пакеты по организации Живой Церкви".[20] Такая организационная работа принесла свои плоды. Крестьяне, руководствуясь поговоркой "что ни поп – то батька", соглашались на причисление их приходов к обновленчеству. В то же время столь очевидная поддержка обновленцев местными властями, при которой практически любые действия живоцерковников истолковывались верующими как "козни советской власти в целях разгрома церкви", заставляла губотделы ГПУ "просить принять соответствующие меры для устранения вмешательства сельсоветов и волисполкомов в дела церкви".[21]

Для укрепления позиций обновленцев необходимо было внести изменения в законодательство. Этой цели служило постановление ВЦИК "О порядке расторжения договоров и закрытия храмов", разработанное 28.03.1923, опубликованное 19.04.23 и тут же дополненное совместной инструкцией НКВД и НКЮ "О порядке регистрации религиозных обществ" от 27.04.1923. Суть этих законоположений сводилась к введению в правовую практику нового понятия, которое должно было помочь укрепиться обновленчеству.

Согласно этим установлениям наряду с религиозными группами, право на существование получала новая форма объединения верующих – религиозные общества. Особенность нововведения заключалась в том, что в то время как существование групп основывалось исключительно на договоре о передаче в пользование храма и имущества, общества могли существовать независимо от наличия церкви. За ними закрепилось название "пятидесятка" потому что для регистрации вновь образованного общества нужно было подать заявление, подписанное не менее чем пятьюдесятью его членами. Это требование само по себе уже создавало трудности, так как списки членов при регистрации проходили апробацию ОГПУ. Если хоть один из подписавших не отвечал требованиям – в регистрации отказывалось. Когда в дальнейшем хоть один из подписавших по каким-либо причинам выбывал – арест, высылка, переезд, переход в другое религиозное общество, то регистрация считалась утратившей свою силу.

Во многих городах положение о религиозных обществах было воспринято местными органами как желательное, вследствие чего производилась насильственная перерегистрация групп в общества. Это положение основывалось на опубликованной 01.07.23 в "Известиях" инструкции НКЮ, где одним из основных являлось положение о том, что "группы граждан, получившие в бесплатное пользование здание культа, обязаны тем самым преобразоваться в общества". Как видно из архивных материалов, инструкция НКЮ и НКВД, напечатанная в "Ежегоднике советской Юстиции", не была известна отуправам до начала августа, когда она по указанию губ.прокурора была разослана по уисполкомам.[22] До этого уисполкомы, основываясь на опубликованном в "Известиях" и перепечатанном сибирскими газетами постановлении, издавали свои приказы о регистрации, расширительно толкующие постановление ВЦИК.[23] Так, например, отуправой Ново-Омска было издано положение, по которому число подписавшихся должно было быть не менее пятисот человек.[24] В противном случае общества не регистрировались и договор не заключался.

В одних случаях заключение договоров происходило, когда общества подавали прошение о передаче имущества.[25] В других – на поданные прошения о регистрации, наоборот, следовала резолюция ОГПУ, выражавшая "просьбу воздержаться от регистрации и оставить без последствий".[26] Принудительное регистрирование обществ применяли по отношению к обновленцам, саботирование – к староцерковникам. Затягивание в оформлении поданных тихоновцами документов должно было предоставить живоцерковникам возможность организовать и зарегистрировать свое объединение и тем самым лишало староканонистов опоры в массах. Часто от последних требовали заверения списков священнослужителей обновленческим епархиальным управлением, которое в этом, разумеется, отказывало.[27]

Между тем, как видно из статистической сводки о религиозных объединениях, до августа ни одного православного общества зарегистрировано не было.[28] Во многом это объясняется положением, по которому губотуправа по вопросам регистрации было "обязано испрашивать в секретном порядке предварительное заключение ГПУ". Как отмечалось в заявлении губотуправы президиуму Омского губисполкома "ответы на эти запросы или совершенно не поступают или поступают с такой проволочкой, что для работы они совершенно невозможны... Несмотря на личные переговоры, несмотря на переписку" заявления о регистрации лежали до трех с половиной месяцев.[29] В начале июля отуправа известило ГПУ, что "ввиду категорического указания центра не чинить препятствия к регистрации религиозных обществ" оно будет вынуждено отказаться от запрашивания отзыва.[30] Очевидно, ГПУ получило такое же указание, потому что уже в августе было зарегистрировано 71 православное общество.[31] Но такого обвального регистрирования, как это было с сектантами, которым ГПУ давало разрешения списками по 10-20 обществ ежедневно, с православными не произошло. В сентябре было зарегистрировано ещё 23 общества, в октябре добавилось 26.[32] Как объяснялось Тарским уисполкомом, "их должно было быть больше, но ввиду полного среди них раскола ... как видно больше не организуются, так как заявлений о регистрации пока не поступает".[33]

Но в ноябре оказалось зарегистрировано чуть не столько же организаций, сколько за три предыдущих месяца: на 121 уже занесенных в реестр общество приходится 93 вновь зарегистрированных. Такой всплеск

объясняется тем, что благодаря благожелательству властей живоцерковники почти во всех церквях смогли к этому времени организовать свои общины, которые и стали регистрироваться. Самими обновленцами особенности текущего момента осознавались достаточно четко, что видно из переписки барнаульских живоцерковников – "... Советская власть без наших просьб <церковь> вряд ли передаст, а момент перерегистрации для просьб своевременен".[34] Вышестоящие власти указывали на недопустимость таких действий: "Если по объективным условиям данного момента необходима поддержка Живой церкви, то к явно указывающим на незаконность мерам прибегать нельзя, для расторжения договора ... могут быть найдены и другие пути".[35]

При планомерном осуществлении задуманной высшим руководством тактики если не все, то большинство церквей должно было оказаться в руках обновленцев. Согласно мнению властей, живоцерковники, лояльно относясь ко всем постановлениям советской власти и проводя политику обновления церковного уклада, безболезненно могли перенести закрытие церквей и свести до минимума проявление недовольства прихожан, грозящее кровавыми столкновениями, как это было при изъятии церковных ценностей. Таким образом, основная задача, поставленная партийным съездом осенью 1923 года, "Борьба с церковью как с особой организацией религиозной пропаганды, материально заинтересованной в народной темноте и религиозном рабстве"[36, С.92.] благодаря созданию и поддержке обновленческого движения могла считаться решенной.

Резюмируя вышеперечисленное, можно сделать следующие выводы:

1. На территории Зап. Сибири обновленчество появилось позже, чем в Центр.России, смогло развиваться только при содействии государства, благодаря действиям ОГПУ не разбилось на группировки и заняло позицию наиболее радикальной «Живой Церкви».
2. Существование обновленчества обусловило появление законов, регламентирующих деятельность религиозных организаций и дифференцированность проводимой государственной политики. В отличие от патриаршей церкви живоцерковникам было разрешено иметь административно-управленческую структуру, по отношению к ним осуществлялось право «легализации» – законного существования, для обеспечения законности было введено понятие «религиозное общество», которое позволяло запрещать группы староканонистов и легализовать живоцерковников.

Источники и литература:

1. Красное знамя – Орган Томского губкома и губисполкома. – 1922. – 6 мая.
2. Красное знамя. – 1922. – 19 июля.
3. Советская Сибирь – Орган Новосибирского губкома и губисполкома – 1922. – 6 августа.
4. Коголь Т. Н. Русская православная церковь и государство 1917-1927 гг. (на материалах Западной Сибири) : 07.00.02 / Коголь Татьяна Николаевна. Дисс... к. и. н. – Томск, 1995. – 155 с.
5. ГАНУ – Государственный архив Новосибирской области. – Ф.1485. Оп.1. Д.15.
6. Советская Сибирь. – 1922. – 9 августа.
7. Рабочий путь – Орган Омского губкома и губисполкома – 1922. – 17 августа.
8. Рабочий путь. – 1922. – 4 февраля.
9. Советская Сибирь. – 1922. – 18 ноября.
10. ГАНУ. Ф.1485. Оп.1. Д.15.
11. Рабочий путь. – 1922. – 30 сентября.
12. Рабочий путь. – 1922. – 7 ноября.
13. Рабочий путь. – 1922. – 16 ноября.
14. Черказьянова И. В. Обновленчество в Сибири.(20-ые годы XX века) / И. В. Черказьянова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1993 г. – № 3. – 162–175 с.
15. ГААК – Государственный архив Алтайского края. – Ф.10. Оп.4. Д.21. Л.173.
16. ГААК. Ф.10. Оп.4. Д.21. Л.165.
17. ГАНУ. Ф.1485. Оп.1. Д.1, 17.
18. ИАОО. Ф.1. Оп.4. Д.344. Л.247.
19. ИАОО. Ф.1444. Оп.1. Д.23. Л.13, 14.
20. ГААК. Ф.10. Оп.4. Д.21. Л.168.
21. ИАОО. Ф.32. Оп. 1. Д.276. Л.108, 111.
22. ИАОО. Ф.32. Оп. 1. Д.276. Л.32.
23. Рабочий путь. – 1923. – 8 сентября.
24. ГААК. Ф.10. Оп.1. Д.960. Л.263.
25. ИАОО. Ф.28. Оп.1. Д.364. Л. 16.
26. ГААК. Ф.10. Оп.4. Д.21. Л.28; ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.55. Л.74, 124; Ф.1235. Оп.59. Д.41. Л.106.
27. ИАОО Ф. 32. Оп.1. Д.143. Л.4-6.
28. ИАОО Ф. 32. Оп.1. Д.276. Л.243.
29. ИАОО. Ф.32. Оп.1. Д.276. Л.57.
30. ИАОО. Ф.32. Оп.1. Д.129. Л.262.
31. ИАОО. Ф.32. Оп.1. Д.143. Л.4-6.
32. ИАОО. Ф.32. Оп.1. Д.129. Л.2.
33. ГААК. Ф.138. Оп.1. Д.5. Л.14.
34. ИАОО. Ф.32. Оп.1. Д.276. Л. 152.
35. Цит. По : Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма // Звезда и свастика : большевизм и русский фашизм. Под ред. и с доп. К. Родзаевского. – М. : ТЕРРА, 1994. – 320 с.